

Драко

Муравейник

Фантастический рассказ

ЭПИГРАФ

$$40000 / 5 = 8000$$

$$8000 / 24 = 333.(3)$$

$$\text{СМЕЩЕНИЕ: } 20$$

ВВОДИМ ТОПОЛОГИЧЕСКУЮ ПОГРЕШНОСТЬ: (-12)

$$20 * 504 = 10080$$

$$39988 / 2 = 19994$$

$$19994 - 10080 = 9914$$

НАЧАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ: (-3000)

$$9914 - (-3000) = 12914$$

$$19994 - 12914 = 7080$$

$$7080 / 5 = 1416$$

$$1416 / 24 = 59$$

ОТВЕТ: 59

1 ФАРСАХ РАВЕН ~ 5.07 КМ

Пролог

56– й сег, дуга Зена, 504– я натра.

Мерзнут руки. Сило выскользывает из пальцев, буквы получаются кривые, строки налезают одна на другую. Если мы когда–нибудь вернемся, за этот бортжурнал меня высекут перед всей ментепой.

Но мы не вернемся. Рулевая ось износилась так, что сквозь манжеты проникает снег, корка льда на первой палубе уже в палец толщиной. Вчера Туим пытался на ходу законопатить щели. Сломал помазок, сильно повредил руку. Я наложил ему восемь швов и заставил выпить макового молока, снимающего боль.

Меня зовут Яхмес, я летописец. Раньше я был помощником Нефри, главного масленщика, но после атаки, когда пробили двурогую амфору, масла не осталось. Тогда вспомнили, что я учился на эскулапа и, стало быть, владел грамотой. Синухет приказал мне продолжить журнал исчезнувшего Хатэма.

Теперь на моих плечах лежит груз ответственности. Я пишу историю нашего поражения. И пусть за спиной подшучивают, все равно – когда–нибудь галеру найдут, и мой бортжурнал станет единственным клочком истины среди ледяного поля лжи. Это даже греет немного, если хорошенько представить.

Записи Хатэма разбирать непросто. Почерк у него был мелкий и стремительный, к тому же покойный отличался болезненной лаконичностью. Что, например, может обычный человек сказать о записи "12 сег. Без поворотов. Уклон. Западный сильный"? Лишь развести руками. К счастью, вернее к несчастью, я сам был свидетелем всего, о чем писал Хатэм, и кое–как понимал общий смысл. А тем, кто спустя стонатрии отыщет заледеневшую галеру, такой бортжурнал окажется бесполезен.

Вчера я поделился своими мыслями с Синухетом. Командир молча выслушал, не отрываясь от штурвала. Он редко отходил от штурвала.

– Дельно говоришь, – сказал Синухет, когда я закончил. – Вот и займись этим.

Поэтому сейчас я, закутавшись в меха, сижу в каюте на третьей палубе и готовлюсь начать свою повесть. Я решил писать правду, не утаивая ничего, даже фактов, о которых никто кроме меня не знал. Все равно корабль не вернется назад. Топливо почти закончилось, холод медленно вползает в галеру. Если за ближайшие пять– шесть сегов нам не удастся отыскать месторождение танталовой соли, реактор затухнет, открыв смерти все люки.

Надеюсь, я успею дописать свою историю.

Глава 1

Это началось, когда встретились двое людей, мечтавших о невозможном. Одного звали Синухетом, он был опытным командиром и владел отличной девятиосной галерой. Второго звали Хатэмом. Он был безумцем.

Если бы Хатэм и Синухет встретились как–нибудь иначе, все мы – экипаж галеры – остались бы живы. Но судьба неумолима, а прошлого не вернуть. Нам остается лишь слать проклятия на голову Хатэма и надеяться, что справедливость где–нибудь существует...

Итак, все началось, когда галера Синухета столкнулась со стареньким меркуром Хатэма и раздавила его, словно череп поросенка. Всадник едва уцелел, со сказочной везучестью избежав всех тридцати шести колес нашей галеры и закончив нелегкий путь на верхней палубе, в каюте Синухета. Ему даже не переломало костей, лишь на левой ноге раздробило пальцы.

Я в то время прислуживал командиру, и к тому же был знаком с ремеслом эскулапа, поэтому мне выпало заботиться о раненном. Не скажу, чтобы в последующие сегы это прибавило мне любви среди экипажа, зато, волей–неволей, я стал свидетелем всех разговоров Синухета с Хатэмом. Знать бы тогда, к чему это приведет...

Их первую беседу я помню от слова до слова.

– Как он? – спросил Синухет, заглянув в каюту. Командир недавно вернулся с

охоты, его меховой комбинезон был забрызган кровью.

– Лучше, – вместо меня ответил Хатэм. – Благодарю тебя, варвар.

– За что? – резко спросил Синухет. Войдя в каюту, он задвинул дверь и повернул до упора регулятор отопительной системы. – Я едва не стал причиной твоей смерти, юноша.

Здесь надо сказать, что Хатэм был молод и отличался редкой красотой. Он был высок, строен, белокож, как и все центряки, длинные курчавые волосы ниспадали на широкие плечи. На лице выделялся квадратный подбородок, говоривший о примеси древней крови, карие глаза смотрели открыто, даже немного наивно.

Синухет мало чем напоминал Хатэма. Уже немолодой, коренастый и смуглый, командир никогда не строил из себя благородного господина, хотя род его восходил к самим Первопроходцам. Двигался он быстро и точно; говорил кратко, по делу, задиристо смеялся, не терял чувства юмора даже в опасности. Синухета любили все. Его было трудно не любить.

– Я едва не стал причиной твоей смерти, юноша, – сказал командир, снимая перчатки.

– Вина моя, – спокойно ответил раненый. – Я знал, чем рискую.

– Риск? – переспросил Синухет. Его густые черные брови сошлись к переносице. – У любого риска должна быть цель. Риск – это опасность ради пользы. Ехать поперек Движения не риск, а глупость.

Хатэм слабо улыбнулся. Несмотря на маковое молоко, он испытывал сильную боль.

– У меня была цель. Я почти добрался до Обочины...

– Почти? – фыркнул Синухет. – От моей галеры на той развалине, что была у тебя, до Обочины ехать сега три.

Он опустил в кресло и дал мне знак. Я поспешно наполнил пиалу.

– Зачем ты ехал к Обочине? – спросил командир, отпив черного пива.

Хатэм тяжело вздохнул.

– Желая проверить одну теорию. Сомневаюсь, варвар, что тебе она покажется интересной.

– Предоставь мне судить, – отрезал Синухет. – Итак?

Раненый помолчал.

– Вам не кажется, что Дорога становится длиннее с каждой натрой? – спросил он затем. – Я изучил сотни манускриптов и записей, читал журналы Первопроходцев. В древности натра была гораздо короче нынешней...

Мы с Синухетом переглянулись и, не сговариваясь, рассмеялись. Хатэм недоуменно поднял брови.

– Я сказал что– то смешное?

Синухет взял себя в руки и строго на меня посмотрел. Пришлось умолкнуть.

– Как твоё имя, юноша? – спросил командир. Когда Хатэм представился, Синухет вновь едва не рассмеялся.

– Я так и думал, что ты философ. Юноша, видишь ли, все кормчие, а я много дуг был кормчим на другой галере, прекрасно знают об удлинившейся натре.

– Мне известно об этом, – сдержанно отозвался Хатэм. – Но позволь закончить, варвар.

– Говори.

– Я построил теорию, объясняющую причину этого явления.

– Боюсь тебя огорчить, но это тоже не является тайной, – фыркнул Синухет. Однако Хатэм с неожиданной горячностью возразил, даже привстав от волнения:

– Общепринятые теории фальшивы! Я могу доказать!

Синухет умолк и странно посмотрел на раненого.

– Можешь? – спросил он после паузы. Хатэм кивнул. Командир дал мне знак, подождал пока его пиала окажется полной и откинулся в кресле, заложив ногу за ногу.

– Слушаю.

– Варвар, как твоё имя?

Синухет представился. Хатэм жестом приказал мне поправить постель и, когда это было сделано, заговорил негромко, с горячим убеждением в голосе:

– Мною обнаружены доказательства, что известная нам история – не более чем легенда, родившаяся в пьяном уме какого– то кормчего на заре времен. Только полный дурак мог бы вообразить, словно мир – это гигантское искусственное колесо, Станция, в ободке которой проложена бесконечная лента Дороги. На самом деле, мы живем на шаре!

Услышав это в первый раз, я решил, что Хатэм безумен. Но Синухет, к несчастью, был человеком редкого ума и страдал общей болезнью всех умных людей. Любопытством.

– Шар? – насмешливо переспросил командир. – Да– а, такой теории мне пока не встречалось. Ответь, юноша, как в таком случае объяснить натры? Что такое натра?

– Мальчик, – раненый обернулся ко мне. – Что такое натра?

– Ответить, командир? – спросил я. Синухет небрежно кивнул. – Натрой называется сегмент великой Станции, где древнейшие обогреватели перестали действовать. Холод мирового пространства убивает там все живое, поэтому мы вынуждены двигаться против вращения Станции, вечно убегая от натры...

– Достаточно! – прервал Хатэм. – Это чушь! Ерунда! Глупость!

– Ну, ну, потише, – улыбнулся Синухет. – Что глупого в теории мироздания?

– Нет никакой Станции! – горячо сказал философ. – Наш мир – это гигантский каменный шар, такой огромный, что с поверхности невозможно увидеть его кривизну. Шар очень медленно вращается вокруг своей оси, совершая один оборот за срок, сравнимый с натрой.

Я взглянул на Синухета, готовый рассмеяться следом за ним, но к своему изумлению увидел в глазах командира интерес. Огладив бороду, Синухет кивнул мне и указал на полку, где лежали принадлежности для письма.

– Черти, – коротко сказал он. Я поставил перед Хатэмом станок и молча смотрел, как раненый выводит на бумаге странный рисунок. То был смертный приговор всем нам, но тогда я этого еще не знал.

– Смотри, варвар, – философ закончил рисовать и протянул Синухету чертеж. – Видишь? Если представить, что где– то за тучами, всегда на одном и том же месте находится гигантский обогреватель, его тепло будет действовать лишь на половину шара. Но шар вращается – поэтому один раз в натру каждая его точка оказывается на противоположной стороне, где обогреватель не виден и повсюду царит холод мирового пространства.

– Так, так, – Синухет прищурил глаза. – И– и– интересная мысль. Значит, мы вечно движемся по поверхности этого шара, убегая от границы холода?

– Именно! – просиял Хатэм. – Ты очень умен, варвар, другим приходилось

объяснять на макетах.

– Любопытно... – Синухет огладил бороду. – Солнце побери, в самом деле любопытно. Конечно, твоя теория в чистом виде – глупость, но идея о шаре... Над этим можно думать, юноша!

– Чем глупа моя теория? – опешил Хатэм.

Тут я почувствовал, что больше не могу молчать, и шагнул вперед:

– Закон всемирного тяготения к движению не позволит мистическому обогревателю висеть в небе на одном месте. Закон гласит: то, что не двигается, гибнет. Поэтому тучи всегда летят в сторону Движения, поэтому вечно дует ветер, а стада животных мигрируют, поэтому брошенный камень летит по дуге и, если его остановить, сразу падает...

– Умница, Яхмес, – улыбнулся Синухет. – Устами младенца... Хатэм, надо и в самом деле быть философом, чтобы придумать такую замечательную идею и не суметь ее развить.

Раненый мрачно смотрел на командира. Тот рассмеялся.

– Ты едешь по старой дороге, юноша. Общепринятая теория мироздания утверждает, что Станция под нашими ногами медленно вертится, и ты придумал вращающийся шар. Но любой человек, знакомый с техникой, сразу скажет – гораздо выгоднее вращать обогреватель вокруг шара!

– Я думал над этим, – возразил Хатэм. – Но такая схема противоречит постулату Диокла о непризнании исключительности нашего места во Вселенной.

– Причем тут место во Вселенной? – Синухет фыркнул. – Хоть шар, хоть Станция, мы где были, там и останемся. Лучше скажи, какие доказательства своей теории ты обнаружил?

Философ вздохнул.

– Их немного, однако они есть. Наблюдения за температурой в разных местах Колонны, отчеты дальних земледельцев и разведчиков, миграции животных – все это говорит в пользу шара. Но, самое главное, моя теория способна объяснить постоянное удлинение натры.

– Шар замедляет вращение? – Синухет поднял брови. И тогда Хатэм сказал фразу, подписавшую всем нам смертный приговор:

– Нет, гораздо проще. Мы движемся по спирали.

Глава 2

За следующие сегои Хатэм сумел убедить в своей идее всех жителей галеры, включая и меня. Что касается командира, то он стал горячим сторонником "шаровой теории" и в свободное от работы время спорил с Хатэмом, покрывая листы сотнями чертежей и математических выкладок. Мы и раньше знали, что Синухет – весьма образованный человек, но лишь с появлением Хатэма стало ясно, как много известно командиру.

Жизнь вскоре вернулась к обычной рутине. Охотничьи меркуры регулярно стартовали под углом к Движению, в погоне за бесчисленными стадами кризонов, вечно опережавших Колонну на несколько сегов. Лесорубы с граничных трирем время от времени стыковали свои неповоротливые, но быстрые корабли к нашей галере и меняли дерево на шкуры. Лесорубам в Колонне приходилось труднее всего; их работу нельзя было делать на ходу, но дерево требовалось постоянно, поэтому, в отличие от дальних земледельцев и разведчиков, лесорубы двигались вместе с главными кораблями. Вынужденные часто останавливаться, их триремы работали на износ: поговаривали, лесорубам приходилось менять корабли едва ли не раз в натру...

Галера Синухета уже больше дуги шла в опасной близости к Обочине. Здесь Дорога была плохо укатана, нас трясло. Однажды мы увидели, как небольшая охотничья барка едет на брюхе, потеряв обе задние оси в каменистой россыпи. Командир приказал остановиться и помочь неудачливым соседям, из-за этого стада кризонов ушли дальше и нам пришлось поставить второй парус. Целый сег затем галера мчалась на предельной для ее шасси скорости, жалобно поскрипывая на каждом ухабе.

От экипажа спасенной барки мы узнали, что рабовладельцы вновь сократили отрыв. Их галеоны видели с гигантских кораблей центряков. Люди роптали и требовали устроить рейд, но могучие пентеры Легиона продолжали с хищной грацией

следовать за гражданскими кораблями, не пытаясь замедлить ход. В радионовостях, как обычно, про рабовладельцев хранили гробовое молчание.

– Говорю вам, это неспроста, – ворчал старый Тимн, наш кормчий. – Помяните мои слова, Легион давно в сговоре с пиратами...

– Скажи еще, со сциллами, – фыркнул Хебсен.

Хебсен – охотник, наш лучший добытчик кризонов. Он один из немногих мог похвастать, что видел сцилла воочию. Проверить это никто не мог, но при одном взгляде на его лицо, изуродованное плетью рабовладельцев, при виде обрубленных ушей и негнущихся пальцев левой руки, сомнения как– то сами собой пропадали.

Хебсен никогда не рассказывал про свою жизнь в рабстве. Но от его брата, Хатшепа, мы знали, что к пиратам они попали случайно, когда разбились меркур далеко в стороне от Колонны и не успели добежать обратно. Неудачники вроде них, да еще преступники, которых ссаживают с кораблей, составляют почти всю добычу рабовладельцев. Открыто нападать на Колонну эти мерзавцы не рискуют, хотя, конечно, не гнушаются ловить отставшие барки и меркуры.

А за пиратскими галеонами, говорил Хебсен, у самых границ натры, идут звери. Падальщики. Бесчисленное множество животных, мигрирующих далеко впереди Колонны, снабжает их обильным источником пищи, даже на Дороге нередко попадаются раздавленные, перемешанные с песком тела. Еще больше пищи создают люди, бросающие на Дорогу мусор, объедки, внутренности, кости своей добычи. Звери очищают за нами путь...

– Сциллы идут нескончаемой стеной, – рассказывал Хебсен. – Они движутся, как натра, не быстро и не медленно. Даже самый маленький сцилл вдвое больше нашей галеры, а встречаются там и такие, что трирема рядом покажется игрушкой. Земля дрожит под их шагами!

Хебсен любил говорить о сциллах.

– Их молодь вылупляется из яиц, которые самки всегда несут на спине, – рассказывал он, оживленно жестикулируя левой рукой. – Пока сцилл молодой, он едет на матери и учится жизни, наблюдая за другими сциллами. Они никогда не останавливаются и никогда не едят живую добычу. Бедуины раньше пробовали бросать им пленников, но сциллы проходили мимо. Они никому не враги...

Здесь надо сказать, что бедуины были нашими врагами. Они передвигались верхом на ламаргах, грациозных родичах кризонов, умевших бегать быстрее галеры и не нуждавшихся в Дороге. Это позволяло бедуинам сильно опережать натру и жить в неподвижности, иногда, целыми дугами.

Они ненавидели дальних земледельцев, особенно тех, кто сажал быстрые деревья для приближающейся Колонны. Старый Тимн говорил, ради скорости земледельцы поливают свои поля особыми жидкостями, которые помогают деревьям расти, но отравляют обычную траву и животных. Бедуины гибнут десятками, если их стада попадают на бывшее поле, поэтому они часто нападают на земледельцев и сжигают их корабли. Легионеры тут бессильны: даже самая лучшая пентера не угонится за отрядом всадников, покинувших Дорогу.

Всякий раз, когда Тимн начинал ворчать про бедуинов, Хебсен вставлял, что сциллы и бедуины делают одно дело. Не знаю, кого он хотел этим оскорбить – бедуинов или сцилл, но в результате всегда обижался Тимн. Старик упорно не верил в сцилл и говорил, что если такие звери существуют, их кости обязательно встречались бы нам на пути. Ведь Колонна уже пятьсот четвертый раз проходит по одному и тому же месту, убегая от натры.

– Сциллы уходят умирать в мировое пространство, – отвечал на это Хебсен.

Кто бы мог подумать, что именно сказки о сциллах подскажут Синухету и его новому другу Хатэму план, как погубить всех жителей галеры?

А начиналось так мирно... Было самое начало сега. Большая часть экипажа еще спала, галера мягко катилась по Дороге: чтобы не рисковать подвеской, мы понизили давление в пневматиках, все равно им скоро предстояла замена. На носу, у штурвала, старый Тимн ворчал на дурачка Рейама, который опрокинул ведро помоев ему на ногу, вахтенные Падиус и Мерхет играли в юлианию. Несколько механиков на второй палубе меняли подгнившую доску с левого борта. Мы с Хебсеном, Хатшепом, Уной и Пахором устроились на корме, рядом с командирской рубкой. В радиоприемнике тихо играла музыка.

– Хебсен, а сциллы умеют говорить? – от нечего делать спросил Пахор. Охотник пожал плечами.

– Не знаю. Может, на своем языке и умеют.

– Их хоть раз ловили живьем?

– Нет.

– А убивали?

– Нет, – Хебсен покачал головой. – Сцилла непросто убить. Разве что прикрепить к пентере гарпун длиною в мачту и с разгона ударить в горло какому–нибудь сцилленку помоложе... Может, тогда и пробьет. Но другие сциллы молча на это смотреть не станут, у них взаимовыручка посильнее, чем у людей. Я видел, как двое молодых помогали идти раненому...

– Кто ж его ранил? – спросил я.

Хебсен загадочно улыбнулся.

– Теневые твари.

– Кто?! – все подались вперед. Этой истории Хебсен еще не рассказывал.

– Твари из Тьмы, – ответил охотник. – Натра приносит не только холод. Еще она приносит Тьму, на границе которой, далеко за линией сцилл, обитают жуткие чудовища.

Он растопырил руки.

– Я видел вот такой зуб, торчавший из песка. А может, это был коготь.

Мы притихли. И тогда я задал вопрос, за который до сих пор не устаю себя проклинать:

– Но почему мы не встречаем кости этих зверей на пути? Ведь мы движемся по кругу...

Уже говоря эти слова, я знал ответ. И все, кто меня слышал, знали. К несчастью, Хатэм как раз открыл дверь каюты и тоже услышал.

– Хороший вопрос, мальчик, – сказал он, выходя на палубу. Хатэм еще хромал, нога была перебинтована. – Быть может, ты сам попытаешься на него ответить?

Ничего не подозревая, я кивнул.

– Мы движемся не совсем ровно, да? С каждым кругом немного в сторону?

– Верно, – тихо сказал Хатэм. И что–то в его голосе заставило всех обернуться и уставиться на молодого философа. Первым, откашлявшись, заговорил Хебсен:

– Думаешь, Дорога не кольцевая и мы всякий раз оставляем наши следы справа или слева?

– Слева, – ответил Хатэм. – Мы движемся по спирали, с каждой натрой уклоняясь на три–четыре фарсаха вправо от нашего прошлого пути. Смотрите.

Он вернулся в каюту и вскоре вышел, держа в руке полосатый кожаный мяч. Все придвинулись.

– Вообразите, что это наш мир, – тихо сказал Хатэм. – Шар вращается вот так... – он показал, – ...а мы движемся против вращения, по верхнему полушарию.

Философ обвел пальцем вокруг шара.

– Если бы мы двигались по кругу, путь всегда имел бы равную длину и натры казались бы нам неизменными. Но мы движемся по спирали, медленно смещаясь вниз, к главной окружности шара, которую геометры называют "экватором".

Хатэм взглянул на наши испуганные лица.

– Шар вращается равномерно, но Дорога с каждой натрой удлиняется. А наша скорость неизменна, и, поэтому, если отметить на модели точки, где побывала Колонна за последние сорок натр, получится плавная кривая.

Он показал тонкую пунктирную линию, пересекавшую несколько полосок на мяче.

– Понимаете? Мы все время приближаемся к границе холода, не успеваем его обгонять. Еще несколько натр, и позади, на горизонте, мы увидим сцилл. А затем... – Хатэм умолк и выразительно посмотрел назад, где облако пыли из–под колес затмевало серое небо.

Повисло молчание. Наконец, сглотнув, молодой Уна осторожно спросил:

– А если повернуть? Вернуться на старую Дорогу?

– Это отсрочит катастрофу, но не решит проблему, – печально ответил Хатэм. – Единственный выход для нас – увеличить скорость движения.

Мы переглянулись.

– Это будет непросто, – заметил Хебсен. Хатэм кивнул.

– Еще бы. Чтобы убедить Легион в опасности, потребуется нечто побольше разрисованного мяча, – он тяжело вздохнул. – Потому–то я и ехал к Обочине. Ваша галера движется очень близко к левому краю Колонны. Если повернуть налево, я уверен – за несколько сегов можно пересечь дикую местность и попасть на старую Дорогу, туда, где Колонна проезжала натру назад.

Он возбужденно взмахнул рукой.

– Если провести там раскопки, мы найдем мусор, обломки старых кораблей и человеческие скелеты. Этого хватит, чтобы доказать Легиону факт спиралевидного движения, а дальше уже любой человек, знакомый с геометрией, сумеет провести расчеты.

– Но почему мы отклонились с пути? – спросил я. – Ведь мы движемся по ветру. Не может же ветер дуть по спирали!

Хатэм улыбнулся. Вытащив из кармана пачку сигарет, он аккуратно оторвал длинную полоску фольги и жвачкой прилепил ее к мячу. Затем, не говоря ни слова, поднял мяч к небу на вытянутой руке и слегка наклонил его. Мы молча смотрели, как ветер треплет фольгу под углом к поверхности.

– Вопросы? – коротко спросил Хатэм.

Вопросов не было.

Глава 3

После этого разговора прошло несколько сегов, и я почти забыл о проекте Хатэма. К несчастью, как уже упоминалось, Синухет был любопытен и смел, а мы, его экипаж, плохо сознавали опасность. И когда на шестой сег к нашему борту с грохотом пристыковалась вызванная по радио ремонтная гексаролла, командир собрал совет.

– Я хочу проверить идею Хатэма, – сказал он, едва старшие по команде расселись вокруг восьмиугольного стола. Меня, конечно, не звали, но я прислуживал Синухету и счел себя вправе спрятаться в уголке каюты. На случай, если командиру что-то понадобится.

– Я давно решил это сделать, но ждал ремонтников, – продолжал командир. – Мы купим у них полный комплект шасси, новые пневматики, поршневые кольца и компрессор. Запаса танталовой соли хватит, чтобы тридцать – тридцать пять сегов идти на моторах против ветра, а согласно нашим расчетам, до старой Дороги не может быть больше десяти фарсахов. За три–четыре сега мы туда доберемся.

Хебсен, старший охотник, в сомнении теребил подбородок.

– Это опасно, Синухет. Отстать от Колонны на десять сегов – попасть к пиратам. А быстрее нам не управиться...

– Мы думали об этом, – быстро возразил Хатэм. – Прежде, чем сворачивать влево, мы прибавим скорость и обгоним Колонну на несколько сегов. А главное, после пересечения диких земель мы вновь окажемся на Дороге, той, где Колонна проехала натру назад. Набрав там скорость, мы параллельным курсом обгоним Колонну и вернемся, не отстав даже на сег.

– А если старой дороги нет? – спросил кормчий Тимн. – Если ваши сказки и в самом деле сказки, как я всегда и говорил?

– Дорога будет, – убежденно ответил Хатэм.

Старший механик, Нефри, покачал головой.

– Нельзя. Нельзя рисковать всем.

– Мы не станем рисковать, – возразил Синухет. – Я не собираюсь подвергать свою команду опасности. Но до старой дороги не может быть более десяти фарсахов, поскольку, иначе, за пятьсот четыре натры мы бы уже достигли экватора.

– Если, проехав десять фарсахов, мы не найдем следов Дороги, галера вернется, – добавил Хатэм. – В этом случае мы отстанем от Колонны на три–четыре сега, и новое шасси позволит с легкостью ее догнать.

Нефри упрямо покачал головой:

– Не вижу смысла в риске. Нет нужды поворачивать галеру. Пусть те, кому интересно, берут охотничьи меркуры и едут, мы их потом подберем...

Синухет скрестил руки на груди.

– Кто согласен с Нефри?

Старый Тимн немедленно положил ладони на стол. Остальные колебались. Видя это, Хатэм резко отодвинул кресло и встал.

– Двести сорок натр тому назад, великий кормчий Хви открыл волшебные свойства танталовой соли и построил первый реактор, – начал он горячо. – С тех пор, его изобретение спасло жизни тысячам людей. Раньше, двигаться быстрее ветра казалось невозможным. Тот, кто терял место в Колонне, навсегда лишался возможности вернуться и рано или поздно становился добычей пиратов. Мы всецело зависели от ветра, охотники и земледельцы гибли сотнями. Во всем мире людей жило

не более десятка тысяч!

Хатэм огляделся. Если не считать меня, в каюте он был самым молодым.

– Сегодня нас впятеро больше. Изобретение Хви дало нам независимость и мощь, подарило надежду когда–нибудь построить достаточно мощный реактор, способный согреть воздух под гигантским куполом Первопроходцев, что стоит, по легенде, в начале Дороги.

Философ поднял палец, призывая к вниманию.

– Кормчему Хви была дарована неслыханная честь: после смерти его останки положили в военную пентеру и направили против движения Колонны, на вечный бой с натрой. Имя его стало легендой.

Хатэм посмотрел каждому в лицо.

– Первопроходцы крепко держались друг за друга и выжили, построив Колонну, – сказал он. – Мы их потомки. Бороться со смертью наша судьба. Сейчас перед вами, перед каждым из вас, стоит выбор: рискнуть жизнями ради человечества, или, подобно глупым рамфоринхам, спрятать головы в песок. Это испытание любви к людям. Любви к жизни. Не позорьте предков...

Если бы мы могли тогда предвидеть, что ожидает нас за Обочиной, Хатэма ссадили бы с галеры. Думаю, даже Синухет не стал бы возражать. Но мы ждали от будущего лишь славы и благодарности народа, нового скоростного корабля, места в истории, спасения человечества... В общем, всего кроме истины. Поэтому большинством голосов план Синухета был одобрен. Лишь старый Тимн продолжал ворчать.

А я... Я был в восторге. Здесь надо сказать, что жизнь на маленькой галере казалась очень скучной после огромной, многолюдной ментепы, где мальчиков готовят к отправке на рабочие корабли. Там меня обучали ремеслу эскулапа, и сначала я даже обрадовался, услышав, что менторы избрали мне место на охотничьей галере.

Попасть на охотничий корабль почему–то считалось удачей. Тех из нас, кого миновала завидная участь стать легионером или анхсием, ждал выбор между рабочими кораблями и дальним земледелием. Земледелие меня никогда не влекло, галера показалась отличным шансом... Но скука и рутинность быстро избавили от мечтаний.

За две натры, что я провел на галере Синухета, мне даже не дали оседлать

скоростной меркур, не говоря уж о том, чтобы взять на охоту. Справедливости ради надо сказать, что четверым мальчикам, принятым на борт вместе со мной, повезло еще меньше; их назначили в трюм, к заготовителям, и беднягам приходилось часами кромсать тяжелые шкуры кризонов. Тем не менее, скука тяготила меня, и грядущее путешествие за Обочину я воспринял как подарок судьбы.

Знать бы тогда, чем все кончится...

Спустя четыре сега после совещания начался разгон. Это время команда трудилась не покладая рук, готовя корабль к экспедиции. Синухет и Нефри приняли решение стартовать на старых, изношенных пневматиках, желая выработать их ресурс до предела, но все остальные механизмы было приказано привести в идеальный порядок.

Меня и других юношей временно отрядили под командование Нефри. Два сега мы работали по горло в масле и мазуте, ползая между главными силовыми торсионными. Наша галера была относительно небольшим кораблем, централизованная система смазки на ней отсутствовала, и время от времени приходилось закачивать масло прямо в кожухи подшипников.

Если б не продуманная сеть страховочных тросов, все мы раз тридцать оказались бы под колесами. Однако галера Синухета, как уже говорилось, была отличным судном, и обошлось без неприятностей. Правда, потом пришлось вызывать по радио бочконосец, чтобы пополнить запасы чистой воды.

Закончив обслуживание шасси, мы еще полтора сега готовили новые пневматики к быстрой замене, смолили корпус, чистили холодный реактор и меняли поршневые кольца на главной машине. Но, наконец, настал час, когда все работы были завершены. Обновленная галера подняла второй парус и мягко покатила навстречу гибели.

Шесть сегов мы шли быстрее полусотни фарсахов за сег. С кораблей, которые мы обгоняли, часто присылали удивленные радиозапросы. Большинство командиров не одобрило идею Синухета, посчитав путешествие ненужным риском, но мы были возбуждены и не хотели слушать разумных советов.

Впрочем, скоро даже передовые корабли Колонны остались далеко позади, и галера мчалась в гордом одиночестве, словно была не солидным охотничьим судном, а

скоростным катамараном земледельцев. Приспущенные пневматики и хорошо смазанные торсионы гасили колебания, независимые колесные тележки обтекали любую неровность. Мы шли под небольшим углом к Движению, сег за сегом приближаясь к левой Обочине.

Здесь надо сказать, что раньше я не бывал на Обочине, не говоря уж о Диких землях. Ширина Дороги достигала двадцати фарсахов, и многие люди проживали всю жизнь, так и не увидев ничего кроме пыли. Я принадлежал к их числу.

К стыду своему должен признаться, что воображал Дикие земли, от силы, как плохую, неровную Дорогу. Мне и в голову не приходило, что они окажутся сплошь покрыты кустами, высоченной травой в рост человека и даже редкими деревцами, избежавшими пил лесорубов. Когда галера, тяжело раскачиваясь, перевалила за Обочину и покатила поперек Движения, почти вся команда собралась на верхней палубе. Люди молча осматривались.

Сразу за Дорогой командир приказал снизить скорость. Теперь мы двигались не быстрее идущего человека, подминая кусты и траву. Двигатели стояли; экономя топливо, Нефри решил первую половину пути проделать под парусами, развернув их под углом к ветру. Конечно, боковые нагрузки были вредны для пневматиков, но мы все равно собирались их менять.

Местность и в самом деле выглядела дикой. Ветер гнал по траве волны, деревья были согнуты его вечным напором. Из-под колес то и дело выпрыгивали громадные длинноногие жуки, они были с два кулака размером. Вдали виднелись еще не вырубленные квадратные поля земледельцев. Галера сильно раскачивалась, снизу доносился непривычный треск и шелест. А самое странное, почти не было пыли.

– Здесь влажная земля, – объяснял Хебсен собравшимся вокруг молодым. – Вода питает корни травы и деревьев. Если выкопать яму и положить в нее горшок, тот вскоре окажется полным...

К концу первого сега мы увидели одну из параллельных Дороге рек, где бочконосцы запасались водой. Теперь – то я знаю, что это был простой ручей, но тогда она показалась нам подлинным чудом. Синухет запретил сходить с корабля; выкупаться никто не смог, но зрелище водной поверхности врезалось мне в память на всю жизнь.

Форсировав речку, галера немного снизила скорость. Судя по расчетам Хатэма, до конца завтрашнего сега не стоило ждать открытий, и экипаж отправился спать. На палубе остались лишь вахтенные.

И я.

Теперь настала пора сказать правду. Я не случайно поскользнулся, как потом объяснял командиру. Если б моё падение действительно было случайным, я наверняка запутался бы в предохранительной сетке или попал под колеса.

Нет, я не поскользнулся. Просто... попробуйте поставить себя на мое место. Мальчишка четырнадцати натр от рода, вынужденный сег за сегом делать нудную и утомительную работу, разговаривать с одними и теми же людьми, слушать идиотский смех дурака Рейама, есть кризонье мясо с черным лавашем, запивать несвежей водой, дышать пыльным воздухом. И так уже вторую натру. А вокруг простирался новый мир, непривычный и странный, галера шла медленно, догнать ее не составило бы труда даже шагом, и почти все на борту спали...

Взять меркур я не рискнул. За такое меня упрятали бы в трюм на полнатры. Бесшумно спустившись к себе в каюту, я надел пятнистый охотничий комбинезон, которым до сих пор не имел шанса воспользоваться, прихватил шипастые сандалии, шлем для работы в подвеске и гарпунное ружье. Стрелять я не умел, но все равно взял. На всякий случай.

Лазить по страховочным тросам было нетрудно. Я пробрался к задней левой тележке шасси, некоторое время собирался с духом, глядя на неторопливо убегающую назад землю, и, наконец, прыгнул, позаботившись, чтобы конец веревочной лестницы свисал как можно ниже. Откуда мне было знать, что вернуться на галеру я смогу лишь спустя полнатры...

Сначала я чуть не упал. Ощущение неподвижной земли под ногами было таким странным, что у меня закружилась голова и словно отнялись ноги. Я не чувствовал, куда наступаю, по коже бегали мурашки. Громадная галера медленно удалялась, а я стоял по горло в траве, не чувствуя ног, и пытался побороть тошноту. Неподвижность!

На миг мне стало так страшно, что я чуть не бросился следом за кораблем. Но холодный ветер остудил мою пылающую голову. Это всего лишь земля, сказал я себе. И добавил: не веди себя как Рейам.

Переведя дыхание, я опустился на колени, желая рассмотреть землю вблизи. Она была совсем не такая, как в цветочных горшках. Прожилки, мелкие растения, какой-то коричневый мох... И жизнь. Я похолодел, когда увидел в траве колонну муравьев. Насекомые медленно, упорно ползли в сторону Движения.

Содрогнувшись, я встал. Галера уже отъехала довольно далеко, за ней тянулся широкий след раздавленной травы. Мы двигались поперек ветра, поперек муравьиной колонны, и тогда мне впервые пришла в голову странная мысль.

Колеса уничтожили тысячи муравьев. Там, где проехал корабль, в их колонне имелись широкие прорехи, смятая трава скрывала подлинное кладбище. Но каждый оставшийся муравей продолжал упорно ползти по ветру. Части колонны двигались независимо, скорее всего, они даже не знали о существовании других.

Других колонн.

Тут надо сказать, что если бы подобная идея посетила меня на галере, я хорошо посмеялся бы над собственной глупостью и немедленно обо всем позабыл. Но здесь, в новом мире, где холодный ветер со зловещим шелестом гнал по траве волны, а под ногами не было привычной палубы – здесь я мог поверить во многое.

– Муравьи... – прошептал я. Понимание ударило, словно гарпун. Вскрикнув, я побежал следом за галерой, но в этот миг сзади бросили аркан и я покатился по земле, от неожиданности больно прикусив язык.

На голову мне надели мешок и куда-то потащили. Резкий звериный запах дурманил рассудок, гортанные голоса похитителей звучали зловеще. Я не кричал: знал, что бесполезно. От страха, если честно, я даже обмочился, но бедуины не обратили на это внимания.

Меня привязали к седлу ламарга и увезли прочь от родной галеры.

Глава 4

Это были разведчики большого племени бедуинов. Они заметили, что один корабль свернул с Дороги, и примчались узнать, не замыслием ли мы зла против их стойбища, раскинувшегося в паре фарсахов по ветру. К счастью, когда появилась галера, бедуины уже сворачивали шатры: их племя провело в неподвижности больше

времени, чем ожидалось, Колонна приблизилась, и теперь бедуины поспешно уходили, не отвлекаясь на всяких безумцев вроде Синухета. Я узнал это гораздо позже того времени, о котором рассказываю, но надо же объяснить, почему они не сожгли галеру.

Меня допрашивал сам шейх племени, толстый морщинистый старик по имени Аль– Карак. У него на носу была жирная бородавка, которая краснела, когда он злился. А я очень боялся злить бедуинов, поэтому отвечал покорно и правдиво, надеясь, что ничтожество вроде меня не станут убивать, а просто бросят на Дороге, где я могу встретить другой корабль.

К несчастью, у Аль– Карака были иные планы. После допроса, когда пожилой кузнец принес инструменты и защелкнул на моей шее стальное кольцо, я решил, что жизнь окончена. Слишком много ходило слухов про рабовладельцев. Но вскоре выяснилось, что бедуины не собираются продавать меня пиратам. Я узнал это случайно.

К тому времени большая часть племени уже двинулась в путь, погрузив шатры на громадные крытые повозки. Я впервые увидел прирученных кризонов. Эти могучие, длинношерстные звери считались глупыми, во всяком случае даже старый Тимн не слышал об их успешной дрессировке. Но бедуины, очевидно, нашли способ. Каждую повозку тянула упряжка из десяти кризонов, телята бежали рядом, привязанные к оглоблям.

Меня бросили в самый маленький фургон с красиво раскрашенным тентом. Несколько старух, сидевших у бортов, при виде меня зашипели совсем как масло в горячем двигателе, но бедуин– кучер живо на них прикрикнул. А я первый раз увидел женщин и сразу понял, почему их держат на отдельных кораблях...

– Зачем тебе эта дзагхла? – спросил тем временем кто– то за тентом. Я сжался в комок.

– Он расслабленный, – ответил голос Аль– Карака. – Всем дзагхлам отрезают зеббы. Такие рабы покорны и старательны.

– Поймай пацана из клана Тефрэ и отрежь ему зебб...

– Ты глуп. Покорство приходит с годами. Если отрезать зебб парню из нашего народа, он затаит ненависть. А эта дзагхла станет прислуживать моей дочери.

– Не боишься?

– Пусть дзагхла боится...

Я и правда боялся. Страшно боялся, что меня приставят рабом к одной из ужасных женщин, и она будет шипеть, избивая меня плетью. Шрамы на лице охотника Хебсена никогда не казались такими жуткими.

А потом я увидел Акиву.

Первый раз мы встретились уже в пути. Повозку немилосердно трясло, мне было очень плохо, поскольку любой корабль, даже маленькая барка, в сравнении с бедуинскими фургонами словно плывет по воздуху. У повозки, где меня везли, не было даже элементарной триплет–подвески, деревянные колеса жестко крепились под ужасными листовыми рессорами, без амортизаторов и гасителей, даже без рулевой трапеции. Любой ухаб отзывался в кузове, от вони кружилась голова. Когда в фургон забралась девочка, я даже не сразу ее заметил...

Акиве, как и мне, было четырнадцать. В первый раз она показалась мне мальчиком, я ведь не знал, что у бедуинов длинные волосы носят только женщины. Стройная и гибкая, смуглокожая, сероглазая, Акива была очень красива.

Ее волосы достигали пояса и отливали сказочным мазутно–черным блеском. Длинные ресницы и огромные миндалевидные глаза, казалось, шептали – "я совершенство", точеное лицо говорило о древней крови, царапины на коленях и локтях – о живом характере. Одевалась она всегда по–разному, любила яркие цвета и украшения. Когда мы встретились впервые, на Акиве был сиреневый чопрах, сине–золотая сорочка и широкий пояс цвета меди. В сравнении с блеклыми халатами бедуинов, этот наряд казался взрывом красок, и подействовал на меня, словно удар коленвалом по голове. Пока я пытался придти в себя, Акива молча разглядывала новую игрушку.

– Тебе правда отрезали зебб? – спросила она наконец. Только услышав голос, я понял, что встретил женщину, и страшно перепугался. К счастью, какое–то внутреннее чувство удержало меня от открытой демонстрации страха, иначе – теперь – то я знаю – Акива никогда бы это не простила.

– Что такое зебб? – спросил я. Фыркнув, девочка протянула босую ногу и ткнула меня под живот.

– Там.

– А... а что в этом странного?

Она звонко рассмеялась:

– Бедненький. Отец говорил, всем дзагхлам отрезают.

Что– то во мне оскорбилось такому пренебрежению со стороны девчонки, и, не подумав, я брякнул:

– Я человек, а не дзагхла.

– Нет, дзагхла! – Акива спрыгнула на дно повозки и дернула за цепь, которой я был привязан к борту. – Вы, с кораблей, все дзагхлы.

– Мы люди!

– У людей ничего не отрезают, – сказала она весело.

Я отвернулся, но Акива потянула за цепь и заставила меня вылезти из угла. Фыркнув еще разок, она уселась на пол, скрестила ноги и принялась разглядывать мой пятнистый комбинезон.

– Как вы делаете вещи? – спросила девочка, насмотревшись. – Вы же никогда не останавливаетесь.

– Есть заводские баржи... – пробормотал я. – У центряков...

– Центряки? Кто это?

– Они едут на больших кораблях в центре Колонны.

Акива нахмурила лоб.

– А что, бывают маленькие корабли?

Тут я, не выдержав, рассмеялся, на миг забыв, где нахожусь. Много позже Акива призналась, что именно в этот миг решила, что я ей нравлюсь. Но тогда она рассердилась и пнула меня ногой. Потом, удивившись, пнула еще раз, но удары были совсем слабые, и я лишь молча отполз назад. Девочка изумленно моргнула.

– Тебе что, не больно? – спросила она недоверчиво.

Я покачал головой. Акива открыла рот, подумала, и внезапно рассмеялась.

– Ха, да у тебя там ничего нет! – гикнув, она схватила меня за волосы и вытащила обратно в центр повозки.

– Ты смешной, – заявила юная дикарка. – Отец сказал, ты мой раб. Будешь слушаться, я тебя бить не стану. Усек?

– Да, госпожа, – ответил я покорно. Девчонка фыркнула, точно как Синухет.

– Я Акива, дочь Аль– Карака, охотница Вселенной! А ты кто?

Я представился. Оказалось, Акива не знает, что такое "эскулап". Когда я объяснил, она долго смеялась, а потом сказала, что у дзагхл даже слова неправильные, если ученик табиба носит имя змеи. Позже я узнал, что бедуины называли своих эскулапов "табибами", а "эскулапом" у них звалась маленькая безобидная змейка с желтыми пятнышками на голове.

Первые сеги Акива жадно расспрашивала про нашу жизнь. Она знала о Колонне даже меньше, чем я о бедуинах. Сильнее всего Акиву поразило, что мы держим женщин отдельно, на особых кораблях, а почти всем мужчинам отрезают "зеббы".

– Почему? Почему– почему? – допытывалась она. Я и сам плохо знал, но как сумел – объяснил. Акива потом целый сег ходила притихшая.

– Значит, у вас к женщинам могут входить только лучшие мужчины, – сказала она наконец. Я кивнул.

– Они называются анхсиями, и их очень мало. Стать анхсием – большая честь.

– А кто же твой отец? – внезапно спросила Акива.

Я пожал плечами.

– Не знаю. У нас нет кланов, как у вас. Наверно, на ментепе вместе со мной учились несколько моих братьев, но я их не знаю.

– Какой ужас! – девочка отшатнулась.

– Почему? – я удивился. – Все правильно. Мы ведь не животные, чтобы постоянно спариваться. В каждом деле нужен порядок. Лучшие мужчины входят к женщинам, женщины рожают, из потомства отбирают лучших, а остальным способность деторождения только мешает работать...

Акива как– то странно на меня посмотрела.

– А ваши воины? Их тоже отбирают заранее?

– Легионеры? – переспросил я. – Конечно! Легиону нужны самые сильные мальчишки. Солдат воспитывают на особых триремах, учат стрелять и сражаться, а лишнее... – я замаялся, – ...им отрезают позже, чем другим, чтобы росли агрессивными.

Акива помолчала, глядя на свои босые ноги.

– Ты был прав, вы не дзагхлы, – сказала она наконец. – Вы муравьи.

Я содрогнулся, припомнив муравьиную колонну под колесами галеры. И

внезапно, не знаю почему, рассказал Акиве о своей идее. Она не стала смеяться.

– Может быть, – девочка пожала плечами. – Мир большой, в нем хватит места для всех.

– Не хватит, – возразил я мрачно, и пересказал теорию Хатэма. Вот теперь Акива засмеялась, и смеялась долго, весело.

– Глупый– глупый муравей, без мозгов и без ушей! – сказала она потом. – Нет никакого шара!

– А тебе– то откуда знать? – разозлился я.

Акива щелкнула меня по носу:

– Через две сегмицы приедем в город колодников. Сам увидишь.

Затем она свистнула, подзывая своего ламарга, перелезла из повозки ему на спину и умчалась, распевая песенку про глупых муравьев.

Глава 5

Вспоминая город колодников, я иногда сомневаюсь, что все это происходило не во сне. Но Акива была реальной, я готов поклясться, а значит, и остальное – тоже... Я знаю, вам, нашедшим заледеневшую галеру в далеком будущем, будет трудно поверить моим словам, но клянусь – это правда!

Бедуины ехали под углом к ветру, сег за сегом удаляясь от Колонны. Вскоре стало ясно, что Хатэм ошибался по крайней мере в одном: никакой старой Дороги не существовало. Во всяком случае, за левой Обочиной.

Вокруг, куда ни глянь, простирались Дикие земли. Зона дальнего земледелия осталась справа, древесные участки и обработанные поля давно кончились. Уже десятый сег бедуины ехали по совершенно диким местам, где деревья росли кучками, а трава иногда достигала двойного роста.

Судя по погоде, племя двигалось медленнее Колонны. Намного медленнее. Спустя двадцать шесть сегов уже заметно похолодало, и я гадал, где бедуины собираются провести натру, поскольку было совершенно ясно, что убежать от нее они

не успеют.

Я прислуживал дочери шейха и выполнял довольно грязную, хотя и необременительную работу по уходу за ее ламаргами. Мы с Акивой стали своего рода приятелями: она любила командовать, а я боялся ее злить. По настоянию девочки, с меня вскоре сняли ошейник. Все равно бежать было некуда – нас даже пираты давно обогнали.

Акива учила меня ездить на ламарге и от души развлекалась, глядя на мою неловкость. Другие бедуины относились ко мне безразлично. Зато хоть ненависти не было... Впрочем, с чего бы им ненавидеть дзагхл? За всю историю, наверно, лишь раз или два легионеры сумели причинить бедуинам ущерб, гораздо больше вреда наносили им ядовитые жидкости земледельцев. Вот их бедуины ненавидели смертной, непреходящей ненавистью.

Понемногу я начинал понимать, что мир Колонны почти не пересекается с миром кочевников. Это было очень болезненным открытием для мальчика, всю жизнь считавшего свой дом единственным и неповторимым. Жизнь бедуинов так сильно отличалась от нашей, что иногда казалось – меня окружают вовсе не люди, а какие-то другие существа, лишь внешне с ними сходные.

Первое время мальчишки в племени издевались и надсмехались надо мной, прятали одежду, заставляя меня голышом бегать между повозками в поисках комбинезона. Их, как и Акиву, очень веселило, что у меня отрезан "зебб". Лишь убедившись, что я не считаю это позором, они понемногу отстали.

Взрослые бедуины, напротив, иногда меня жалели, однако то была жалость человека к больному зверенышу, и она оскорбляла меня гораздо сильнее, чем насмешки детей. Странно, но как раз это и сблизило нас с Акивой.

Дочь шейха не была счастлива в племени. Самого охраняемого ребенка бедуинов постоянно опекали несколько старух и телохранителей, удаляться от повозок ей запрещалось, другие дети чувствовали себя скованно, когда Акива была рядом.

Ее старший брат, уже взрослый, обращал на Акиву не больше внимания, чем на меня. Женщина – у бедуинов – считалась человеком второго сорта, но очень ценным, поэтому их берегли, порою насильно. Из-за этого у девочки развился воинственный характер, и она часто поступала "назло" своим менторам, как бы стремясь доказать им,

что не нуждается в опеке.

– Они хотят выдать меня за толстого Мелика из клана Койшэ, – сказала Акива как– то раз, во время очередного урока верховой езды. – Я скорее пойду за тебя, чем стану женой этого уroda.

Я уже знал, что у бедуинов принято "выдавать" женщин в собственность мужчинам. Но слова Акивы меня поразили.

– Женой? – спросил я недоверчиво, морщась от боли в разбитом колене. – Ты же пока маленькая!

– Иногда выдают и младенцев, – мрачно ответила девочка. – Моя сестра уже замужем, хотя ей всего полторы натры.

Заметив мою растерянность, она фыркнула:

– Эй, муравей! Пока жена не вырастет, муж ее не видит.

– А– а... – протянул я.

Акива засмеялась.

– Лезь в седло! Продолжаем урок.

– Может, отдохнём немного? – взмолился я.

Девочка гневно уперла руки в бока:

– Быстро!

– Хорошо...

Так, сег за сегом, прошла дуга, и племя приблизилось к своей цели. Я тогда не знал, что значит слово "город", поэтому ожидал увидеть все что угодно. Но когда УВИДЕЛ...

Город – место, которое всегда неподвижно. Я знаю, в это трудно поверить, но я сам был в городе, и видел каменные стены, каменные дома, каменные дороги. Каменные! Закон всемирного тяготения к движению оказался ложью, как и вся моя прошлая жизнь.

Стены города слегка напоминали отрицательно– изогнутые борта катамаранов. Они были сложены из угловатых, необычно темных камней, и превосходили высотой нашу галеру, хотя до пентеры не дотягивали. Формой город напоминал квадрат, по углам которого высились толстые каменные мачты. Я тогда еще не знал слова "башня".

Позже Акива сказала, что город колодников называется "Агарта", и таких

городов в мире несколько. Еще позже я узнал про секретный договор между колодниками и Легионом... Но все это было потом.

А сейчас настала пора рассказать, как случилось, что мы с Акивой полюбили друг друга. Это произошло на третий сег неподвижности, когда племя разбило лагерь у городских стен и бедуины отправились к колодникам, договариваться о цене за проход сквозь какой-то туннель.

В тот сег я проснулся от знакомого пинка. Акива была одета по-походному, в глазах ее горел озорной огонь. Быстро приложив ладонь к моему рту, она шепнула:

– Хочешь стать одним из нас? Надо пройти испытание.

Сплотнув, я кивнул. Девочка усмехнулась.

– Тихо одевайся. Пока старшие в городе, мы с парнями едем на край света.

– Куда?! – я чуть не поперхнулся.

Акива зловеще улыбнулась.

– Увидишь.

Комбинезон давно испачкался и кое-где порвался, но другой одежды не было. Когда я вылез из повозки, дочь шейха и несколько мальчишек уже оседлали ламаргов. За плечами Акивы висело мое гарпунное ружье.

– Будь осторожней с этой штукой, – предупредил я. Фыркнув, Акива мотнула головой, подождала, пока я заберусь в седло позади нее, и хлопнула скакуна по шее. Маленький отряд скрылся в высокой траве.

Ехать поперек ветра пришлось очень долго. Лагерь бедуинов и городские стены давно пропали вдаль, постепенно трава стала еще выше и даже со спин ламаргов мы видели только зеленые стебли. Все хранили молчание. Я гадал, о каком испытании говорила Акива, когда внезапно ощутил...

Ощутил, что ветер утих.

Вам, в будущем, наверное не понять, какой ужас поднимается в душе, когда происходит нечто, чего не могло произойти. По лицам мальчишек я видел – им тоже не по себе, но бедуины всю жизнь росли со знанием, что это возможно. А меня словно триремой переехали.

Без ветра мир казался мертвым. Полная, жуткая тишина морозила кровь, высоченная трава склонялась над головами. Она была неподвижна – и это пугало еще

сильнее. Из всех нас, пожалуй, одна Акива разыгрывала храбреца.

– Ну, как? – гордо спросила она, придерживая ламарга. – То ли еще будет!

Я не ответил. Впереди, сквозь застывшие стебли травы, виднелась открытая местность, и я мысленно взмолился – пусть там будет ветер! Может, подумал я, это растения его закрывают...

Ветер там был. Он с воем набросился на нас, растрепал волосы, взъерошил шерсть скакунов. От неожиданности я прикрыл лицо ладонью и оглянулся, пытаюсь понять, где кончается трава – и увидел идеально ровную бесконечную линию растений, уходящую влево и вправо за горизонт. Под копытами ламаргов зазвенел металл.

– Эй, муравей, – тихо позвала Акива. – Не туда смотришь.

И тогда я медленно повернул голову.

Глава 6

Вас когда-нибудь вешали на тоненькой нити над пропастью? Чтобы ветер рвал ваше конвульсирующее тело, нить судорожно дергалась, а впереди, внизу, по сторонам, над головой – везде был лишь ужас?

Если да, то вы знаете, что я тогда ощутил.

Всего в десятке шагов от меня кончался мир. Там, на краю, имелись аккуратные поручни из проржавевшего насквозь металла, а за ними – в бесконечность! – простиралось невероятное.

Тучи, которые никогда не останавливались, тучи, ставшие родными всем нам, они продолжали лететь по ветру, но в десятке фарсахов над пропастью их вечная серость словно натыкалась на стену и рушилась вертикально вниз. Тучи летели по ветру! Летели, образуя прямой угол, одна из граней которого простиралась над нашими головами, а вторая падала в бездну. Мы стояли на дне коробки из туч. И видели ее грань.

Не уверен, кажется я свалился на землю и с криком побежал обратно... Или ламарг чего-то испугался. Хорошо помню лишь, как лежал на спине, а Акива сидела

рядом, с тревогой меня разглядывая. Над головой летели тучи.

– Ты чего? – спросила девочка. – Скорпион ужалил?

Судорожно втянув воздух, я заставил себя сесть. Ламарги мирно паслись неподалеку, бедуины сидели кружком вокруг нас с Акивой. А слева... там... Туда я смотреть не стал.

– Акива, – мой голос прозвучал так, словно я мгновенно охрип. – Акива, что это? Где мы?

Она подняла брови, а потом внезапно расхохоталась так, что повалилась на спину, дрыгая ногами в воздухе.

– Муравей перепугался! – Акива задыхалась от смеха. – Обмочился со страху!

– Да, мне страшно, – сказал я тихо, и это словно топором оборвало ее хохот. У бедуинов сказать вслух, что ты испугался – примерно то же самое, как у нас нарочно испортить корабль.

– Страшно? – переспросила Акива. Мальчишки насмешливо переглядывались.

– Да, – я опустил голову. – Мне страшно. Я не знал... Что у мира есть грань.

Акива задумчиво наморщила лоб. Тем временем один из мальчишек рассмеялся и пнул меня ногой:

– Мокрая личинка! – бросил он презрительно. Я сжался, но бить меня не стали. Вместо этого, к своему изумлению, я услышал голос Акивы:

– Отстань, – сказала она серьезно. – Он же спянуть мог. Эй, муравей, – девочка с неожиданной лаской погладила меня по голове. – Успокойся. Мы забыли, что ты не знаешь.

– Чего не знаю? – спросил я тихо.

Акива вздохнула.

– Совсем ничего не знаешь. Про мир. Вставай, покажу кое– что.

Я невольно отпрянул, но Акива нахмурилась и резко схватила меня за плечо.

– Вставай!

Все вместе они подтащили меня к поручням.

– Убежишь, станешь трусом, – предупредила Акива. – Останешься, примем как своего. Это твое испытание. Только смелый сын свободного народа может смотреть за Край.

Сказав это, девочка скрестила руки на груди и демонстративно отошла назад. Мальчишки немедленно последовали ее примеру.

Я остался наедине с невозможным. Страх так заморозил кровь, что у меня зуб на зуб не попадал, ноги стали ватными и непослушными. Но к этому времени в душе проснулась давно таившаяся гордость. Я не муравей и не дзагхла, я – человек! Подбадривая себя такими мыслями, я повернулся и, почти не дрожа, подошел к перилам.

Это было страшно, да. Но терпимо. Всего лишь второе небо, далеко внизу, под ногами. Ничего особо ужасного.

Гораздо страшнее стало, когда я понял, что плоскость, где я стою, не имеет толщины. Совсем. Край металлического листа, простирившегося в обе стороны до горизонта, расплывался в глазах, его никак не удавалось увидеть. Я наклонился, желая понять, еще сильнее наклонился... Но тут меня схватили за плечи и дернули назад.

– А вот этого не надо, – серьезно сказала Акива. – Я говорила, смотри ЗА Край. НА Край смотреть нельзя. Свалишься.

Я уже немного опомнился, и страх уступил место жгучему любопытству.

– Акива, где мы? – я кивнул в сторону бездны. – Объясни!

Девочка улыбнулась.

– Все! Он теперь наш, – заявила она мальчишкам. Те весело засмеялись, меня принялись хлопать по спине и дергать за волосы. Было очень приятно.

– Ну, муравей, – Акива отошла подальше от Края и уселась на песок. – Теперь можешь спрашивать.

Я сел напротив, скрестив ноги. Мальчишки расположились вокруг.

– Что это за пропасть? – я задал первый вопрос.

Акива покачала головой.

– Не пропасть. Край света.

– Не понимаю...

– Верю, – она улыбнулась. – Дзагхлы ничего не знают, мне отец говорил. Слушай внимательно, муравей. Наш мир совсем– совсем не похож на мяч. Он похож на диск. А мы сейчас сидим на самом краю, тут мир загибается вниз. Там, под нами, – она постучала по железу, – есть еще один мир, где все наоборот. Когда у нас кончается

натра – у них начинается.

Акива вытянула руку против ветра и пошевелила пальцами.

– Я прихожу сюда каждую натру. Мы, свободный народ, живем как хотим, пока не наступает время холода. Тогда мы едем на край света, к городу колодников. Эти города стоят с обеих сторон мира, а внутри есть Колодец, огромная дыра, Туннель, ведущий сквозь землю.

Девочка рассмеялась.

– Что, муравей, дома тебе такого не говорили?

Я молча замотал головой. Акива довольно улыбнулась.

– То– то. Слушай и учись. Колодники – самый древний народ, они отличаются от людей и всегда живут на одном месте. Когда к их городу приближается холод, они переходят на другую сторону мира, где холод недавно кончился, и следующую натру живут там, во втором городе. Вместе с ними сквозь Туннель проходят наши племена. Но колодники давно разучились добывать пищу, и нам приходится платить им за проход – шкурами, мясом, шерстью. Поэтому в теплое время натры наш народ кочует по миру, собирая для колодников дань.

Девочка нахмурилась.

– Мужчинам это не нравится, но у колодников есть много хорошего оружия и даже боевые машины, стреляющие огнем. Вот почему уже много– много натр никто не пытается с ними воевать. Собрав дань, мы приходим к городу, платим хозяевам и нас пропускают на ту сторону мира, где целую натру будет тепло и спокойно.

Акива весело подмигнула.

– Кстати, а я родилась на той стороне. Мне четырнадцать натр.

– Я тоже там родился, – добавил один из мальчиков.

От услышанного у меня голова шла кругом. Но один вопрос я задать все же сумел:

– Акива... Это удивительно! А почему нельзя перебраться на ту сторону мира через край?

Девочка тяжело вздохнула.

– Можно, – сказала она с грустью. – Это совсем легко. Но тот, кто перелезет через край, станет другим. У него сердце будет с правой стороны, а правая рука

превратится в левую.

Я моргнул.

– Ну и что? Через натру он перелезет обратно, и все вернется!

– Ага, как же! – разозлилась Акива. – Думаешь, мы все глупые? И никто не пробовал? Когда сердце с правой стороны, ты не можешь ничего есть. Ни мяса, ни чебуреков, ни фруктов – ничего. Любая еда для тебя превратится в яд, пока не перелезешь обратно. А тут натра!

Я умолк, лихорадочно размышляя над задачей.

– А если сначала перевезти много пищи? Она ведь тоже изменится.

– Ну и сколько ты сможешь забрать? – фыркнула девочка. – Один ламарг съедает ведро травы в сег! А трава нужна свежая.

– Можно зарезать всех зверей, засолить мясо и целую натру его есть! – возразил я.

– Ага, ага, а потом умереть с голоду, когда настанет пора возвращаться, – Акива покачала головой. – Не считай нас дураками, муравей. Дешевле заплатить дань колодникам. Они тоже не дураки, и назначают как раз такую цену, чтобы племенам было выгоднее платить, а не воевать или искать другие пути.

Она встала.

– А теперь иди за мной. Я покажу самое удивительное, что есть в мире.

Мы подошли к перилам. Акива дала знак одному из мальчиков, тот протянул ей мешочек. Там оказались обычные камешки.

– Смотри, – Акива ухмыльнулась. – Внимательно.

Взяв один камешек, она подбросила его на ладони и с силой метнула в пропасть. Камень, как и полагается, полетел вниз, но вскоре замедлился, остановился и... взмыл обратно. Я чуть язык не проглотил.

Промчавшись мимо нас, камешек поднялся на высоту двойного человеческого роста, вновь замедлился, как если бы Акива бросила его вверх, и рухнул вниз. На сей раз он опустился не так глубоко, остановился, вернулся обратно, поднялся чуть выше нас, опять рухнул... И, наконец, повис в воздухе, медленно плывя под напором ветра. Я сглотнул и посмотрел на Акиву.

– Тебе никогда не хотелось летать? – спросила она.

Мы с мальчишками одновременно поняли, что затеяла дочь шейха, и разом закричали, но Акива повелительным жестом вскинула руку.

– Тихо! – рявкнула она. – Я мечтала об этом с тех пор, как отец впервые привел меня сюда. Держи крепче, муравей, – скинув ружье, она отмотала прочный тросик и протянула мне гарпун. – Я быстро вернусь...

– Не делай этого! – я схватил ее за руки. – Пожалуйста!

– Нет, сделаю, – возразила девочка. – И ты меня не остановишь.

Ее голос почти не дрожал. Оттолкнув меня, она трижды намотала тросик на запястье, покрепче стиснула ствол ружья и оглянулась.

– Я буду летать, – тихо сказала Акива. И прежде, чем мы успели помешать, с разбегу вскочила на перила и прыгнула в пропасть.

От ужаса у меня зашевелились волосы. Тело девочки камнем рухнуло в пустоту, навстречу тучам, мчавшимся под ногами. Она закричала. Трос стремительно разматывался, рывок – и Акива завертелась как флюгер, когда ружье вырвало из ее рук. Мальчишки в панике бросились прочь.

Я смотрел, оцепенев от страха. Набрав огромную скорость, Акива замедлилась лишь тогда, когда ее тело уже казалось маленькой черной точкой. Точка стала расти, все быстрее и быстрее, слышался крик... Девочка промчалась мимо быстрее стрелы и рванулась в небо. Она дергалась и кричала, в панике размахивая руками.

Я оглянулся. Бедуинов и след простыл, лишь ламарги беззаботно жевали траву неподалеку. Несчастная Акива продолжала кричать, она падала. Свист воздуха – и она промчалась мимо, начав второе колебание. Ветер уже отнес ее довольно далеко в сторону.

Внезапно я сообразил, что до сих пор судорожно сжимаю в руках гарпун. Идея еще не успела оформиться, как я вскрикнул и принялся бешено выбирать трос, на другом конце которого раскачивалось ружье. Тем временем Акива третий раз промчалась мимо, амплитуда ее колебаний медленно уменьшалась.

– Раскинь руки! – крикнул я. – Парус! Как парус!

Не знаю, услышала она или ей самой пришла в голову та же мысль, но в этот раз, падая, она не кричала. Тело девочки промчалось мимо, я видел, как она пытается тормозить, раскинув руки и ноги в стороны. Напор воздуха вертел ее колесом.

Ружье со звоном задело Край мира, кусок приклада словно отрезали бритвой. Схватив оружие, я дико огляделся. За что привязать?! Поручни! Но тут я вспомнил, какое ускорение получила Акива при падении. Ружье в любом случае вырвет у меня из рук, и мы оба погибнем.

К чести своей должен сказать, что, несмотря на ужас, мысли бросить Акиву у меня даже не возникло. Несколько мгновений я колебался, пытаюсь придумать другой способ, но ничего не придумывалось. Акива четвертый раз промчалась мимо.

Судорожно вздохнув, я зарядил ружье и повесил его за спину. Немного подумав, снял и намертво примотал к бедру, проткнув гарпуном ремень. А потом забрался на перила.

– Готовься! – закричал я. Акива уже летела обратно, скорость заметно уменьшилась, но ветер относил ее в сторону. Промедление означало гибель.

Сейчас я с трудом вспоминаю, что чувствовал в те мгновения. Наверно, шок вызвал частичную потерю памяти, хотя какая разница... Помню, что прыгнул так, как никогда в жизни не прыгал, вложив все силы, все, на что был способен. Акива мчалась навстречу, сейчас столкнёмся!

Нас выручил страх. Если бы мы оба не были на грани помешательства, и не вцепились бы друг в друга с силой двадцати стыковочных узлов, удар неизбежно разнес бы нас в стороны. И конец. Смерть обоим. Но мы с Акивой так сцепились, что некоторое время не могли дышать. Мир безумно вертелся, к горлу подступала тошнота.

– Сп... сп... спокойно... – прохрипел я, когда вновь сумел вдохнуть. – Спокойно...

– Я... я... не... – в глазах Акивы стояли слёзы. Покрепче прижав ее к груди, я постарался забыть, что мы падаем, и крикнул:

– Не б– бойся! Г– г– гарпун есть!

Она судорожно за меня цеплялась. Я сглотнул.

– Ждем, – сумел выдавить. – Скорость... должна упасть...

– Х– х– х– х... – продолжить она не сумела и лишь прижалась ко мне крепче, закрыв глаза. Я попытался оглянуться.

Судя по тому, что мир висел над головой, мы сейчас находились по другую его сторону, хотя это глупо, ведь скорее всего мы просто падали вверх тормашками. Прошло некоторое время, но я так и не сумел понять, где же наша сторона. Это едва не

ввергло меня в панику.

К счастью, вскоре я отыскал ориентир: на нашей стороне были привязаны ламарги. Определить по ощущениям, когда мир был правильным, а когда перевернутым, оказалось совершенно невозможно; стоило нам пересечь плоскость Края, как "верх" превращался в "низ", и мы начинали падать в противоположную сторону. Лишь ветер дул всегда одинаково, унося нас дальше в мировое пространство.

– Акива, – сказал я, когда немного опомнился. Она тоже пришла в себя, безумие исчезло из глаз. – Слушай внимательно. У меня есть гарпун. Мы подождем, пока начнется следующее колебание, тогда я выстрелю в ламарга, зверь побежит прочь и втащит нас обратно.

– Д– д– дурак, – девочка дрожала. – Они же п– п– привязаны.

– Значит, оборвут веревку! – рявкнул я.

– Х– хорошо, – сразу согласилась Акива. – Ст– т– трелей.

Но это колебание нам пришлось пропустить, я не успел отодрать ружье с бедра. Акива судорожно за меня цеплялась.

– Т– т– олько не п– промахнись, – шепнула она, когда я прижал ружье к плечу.

Мы уже падали вверх. Неуловимый миг – Край промчался мимо, и я увидел ламаргов. Нас отнесло слишком далеко.

– Нет! – заорал я. Ружье выстрелило само, гарпун чиркнул по песку, задел перила и... зацепился острым шипом за поручень. Прежде, чем я это понял, Акива дико вскрикнула и что было силы дернула трос.

Упали мы довольно удачно, в траву, отделались синяками и царапинами. Долго лежали, не в силах двигаться. У меня тряслись руки, сердце бешено колотилось. Я слышал его панический стук.

Спустя некоторое время, Акива сумела сесть.

– Яхмес, – тихо позвала она. Сглотнув, я поднял голову.

– Да?

– Спасибо, – она смотрела мне в лицо. – Ты дурак, но спасибо...

Тут я не выдержал и расхохотался так, что из глаз полились слезы. Акива присоединилась, и мы катались в траве, у бездонной пропасти, дергаясь от смеха, и сердца наши бились с левой стороны, поскольку мы пересекли Край нечетное число

раз.

Глава 7

В главном шатре царила полная тишина. Здесь находились предводители всех бедуинских племен, собравшихся у города колодников. Во главе высокого совета восседал шейх Аль– Карак. И тишина царила уже давно.

Наконец, густой голос шейха прервал молчание.

– То, что ты сделал, достойно лучшего из сынов свободного народа, – старик смотрел на меня. – Но ты не наш. Ты совершил подвиг, о которых поют дутарщики, но ты даже не мужчина. Родители героя, подобного тебе, стали бы патриархами племени, но ты не знаешь своих родителей. Ответь, Яхмес, как нам поступить?

Я пожал плечами.

– Не знаю.

– Мы тоже не знаем, – мрачно ответил шейх. – Я, как отец, по закону, должен отдать спасенную дочь тебе в жены.

– Это невозможно, – сказал я глухо.

Аль– Карак кивнул.

– Согласен. Но ты не просто спас мою дочь. Ты пошел ради нее на верную смерть. Только тот, кто истинно любит, способен на такое. Ответь, Яхмес: ты любишь мою дочь?

Я поднял голову и, внезапно, к собственному изумлению, ответил:

– Да.

– Он не мужчина! – крикнул другой старик. Шейх грозно нахмурился.

– Тихо! – Аль– Карак обвел собрание яростным взглядом. – Не позорьтесь в глазах чужака.

Старейшины потупили взоры. Аль– Карак тяжело вздохнул.

– Ты задал нам трудную задачу, Яхмес, – признался он. – И я не знаю, как быть.

– Пусть решает Акива, – ответил я коротко.

Шейх отпрянул.

– Женщина?!

– Да.

– Нет, – отрезал старик.

Я шагнул вперед.

– Почтенный шейх, обещаю, что не разгневаешься, если я скажу правду.

– Говори.

– Акива прыгнула в бездну из-за тебя.

Старик поперхнулся. Бородавка на его носу начала наливать кровью.

– Что ты сказал? – прошипел он.

– Я сказал, что знаю, почему Акива прыгнула в бездну, – во мне словно проснулся кто-то другой, я говорил, и слова сами рождались в душе. – Ты хотел выдать ее за человека по имени Мелик. Акива ненавидит этого человека. Но ваши законы не дают ей права решать, и в знак протеста, мечтая доказать, что она не хуже мужчины, Акива решила на безумие.

Я поднял руку, указав на вход в шатер.

– Шейх, я спас твою дочь. Ты у меня в долгу. Поклянись перед всеми старейшинами, что позволишь ей самой избрать пару, вот что прошу я в знак благодарности.

Казалось, Аль-Карак сейчас лопнет от ярости. Но он был бы никудышным вождем, если бы не умел себя контролировать.

– Клянусь! – мрачно сказал старик, пыхтя словно испорченный реактор. – Но запомни, Яхмес: она не избрет тебя.

Я улыбнулся.

– Даже если избрет, я откажусь.

– Откажешься? – Аль-Карак отпрянул.

– Да.

– Почему?

– Потому, что я люблю Акиву, – ответил я. – И желаю ей счастья.

В шатре вновь повисла мертвая тишина. Все смотрели на меня, Аль-Карак молчал. Наконец, тяжело вздохнув, он поднялся с подушек и подошел вплотную.

– Если хочешь, считай меня отцом, – негромко сказал шейх. Я кивнул.

– Спасибо.

– Я все еще у тебя у долгу, сын. Что сделать?

– Помогите вернуться домой, – попросил я. – На корабль, откуда меня похитили. Бедуины переглянулись. Лицо Аль– Карака потемнело.

– Я не могу это сделать.

– Мне не нужны провожатые, – я дрожал. – Просто дайте несколько ламаргов и побольше еды, я попытаюсь догнать Колонну...

– Сын, – шейх опустился на колени. – Мы не сможем вернуть тебя обратно. Много сегов назад твой корабль нарушил границу земли колодников и был захвачен. Согласно древнему договору, корабль лишили парусов, а людей бросили в подземелье. Их оставят здесь, когда все уйдут.

Это было, словно гарпуном в горло. Я попятился. Перед глазами поплыли лица, страшная боль поднялась в душе. Бедуины сочувственно наблюдали.

– Живы? – сумел я выдать. Аль– Карак тяжело вздохнул.

– Живы. Но скоро умрут. Их принесли в жертву натре.

Старик положил руку мне на плечо.

– Сожалею, Яхмес. Ты можешь идти с нами.

Я замотал головой. Шейх нахмурился.

– Другого пути нет.

– Я должен их спасти, – сказал я, дрожа. – Хоть попробовать. Я должен. Это... мой клан. Моя семья. Кем стану я, если брошу их на смерть, а сам отправлюсь в теплый и безопасный мир?

Бедуины вновь переглянулись. Аль– Карак яростно дернул себя за бороду:

– Вот таким у отца должен быть сын, – сказал он в сторону. – Хорошо, Яхмес. Мы постараемся спасти твой клан.

Меня била дрожь. С трудом кивнув, я вышел из шатра. У полога стояли воины, вокруг раскинулось пустынное стойбище: бедуины готовились к переходу. Несколько странных существ в облегающей серебристой одежде приближались со стороны города.

Так я впервые увидел колодников. Фигурой они напоминали людей, но лица были вытянуты, как звериные морды, маленькие глаза блестели под массивными

надбровными дугами. Темную кожу покрывала редкая красноватая шерсть, вместо волос на голове росли иглы, будто они носили ежовые шкурки. Высотой колодники уступали бедуинам; их тела были коренастыми и крепкими, а сзади, пропущенные сквозь прорези одежды, свисали короткие шипастые хвосты.

Я заступил им дорогу:

– Почему вы напали на наш корабль?

Колодники остановились. Тот, кто шагал первым, оглядел меня с ног до головы.

– Кто ты?

– Яхмес, помощник командира Синухета.

Колодник принялся.

– Ты детеныш. Ваши законы не позволяют детенышам вести переговоры.

– Я принадлежу другому народу, – ответил я, стараясь держать себя в руках.

Колодники перекинулись несколькими фразами на странном языке.

– Нам не о чем с тобой говорить, – заявил главный.

Я стиснул зубы.

– Вы захватили наш корабль.

– Этот корабль нарушил договор, – возразил колодник. – С нарушителями поступили согласно девятому пункту об ответственности, раздел дополнительных условий, двусторонние обязательства. Твои претензии беспочвенны.

– Мы не знали ни о каком договоре! – я сжал кулаки.

– Это проблема вашей информационной службы.

– Отпустите пленников, – мой голос впервые дрогнул. – Мы не знали о существовании вашего народа, не знали о договоре. Синухет вел корабль на поиски древней дороги, чтобы спасти Колонну от...

– Детеныш, мы теряем время, – заметил колодник. – Если у тебя есть деловое предложение, выскажи его сейчас.

Я вздрогнул:

– Что это значит?

– Пленников можно выкупить. Согласно договору, цену назначает пострадавшая сторона.

В душе шевельнулась надежда.

– Что вы хотите?

– На этот вопрос мы ответим лишь уполномоченному лицу, каковым ты не являешься, – отодвинув меня лапой, колодник проследовал в шатер. Его сородичи так и не обратили на меня внимания.

Остаток этого сега промчался подобно скоростному катамарану. Переговоры в шатре затягивались, я нервно ходил взад– вперед. В голове вертелись планы спасения Синухета. Мысль металась от похищения к открытой войне, от захвата посланников до безумных идей с пересечением Края мира и атаки города сквозь неведомый туннель.

Но все проходит, даже время. И я дождался появления из шатра иглоголовых. Следом вышел хмурый, как небо, Аль– Карак.

– Ты хорошо ведешь переговоры, – сказал ему главный колодник. – Для поощрения нашего дальнейшего сотрудничества, предлагаю бесплатно снабдить объект сделки картой местности.

– Делай что хочешь, кровопийца, – мрачно ответил шейх. Колодники с достоинством поклонились и направились прочь.

Аль– Карак жестом подозвал меня.

– Мне дорого обошлась проделка дочери, – он вздохнул. – Но это меньшее, что я мог для тебя сделать. Пленников выпустят.

Содрогнувшись, я хотел упасть перед шейхом на колени, но он покачал головой.

– Нет. Иди, готовься в путь. Колодники отказались пропустить твой клан сквозь Туннель, вам придется найти корабль и догнать Колонну. Берите ламаргов, пищу, мех. Натра близко.

– Спасибо... – сумел выдавить я.

Что– то проворчав, Аль– Карак махнул рукой и вернулся в шатер. Меня трясло. От пережитого волнения я едва стоял, кружилась голова. Чтобы хоть немного собраться с мыслями, я обошел шатер, увидел большой барабан и присел на него, устало закрыв глаза. Слишком тяжелая ноша для одного муравья...

И тут я получил такую оплеуху, что свалился на землю.

– Не решай мою судьбу! – прошипела Акива.

Я недоверчиво моргнул.

– Тебя же наказали...

– Я сбежала, – девочка сжимала и разжимала кулаки. – Ты... ты... муравей паршивый! – всхлипнув, она отвернулась. Я тупо смотрел ей в спину.

– Не делай этого, – глухо сказала Акива. – Не уходи.

Я наконец опомнился:

– Ак...

– Не уходи, – она обернулась. – Ты не должен этого делать. Что изменится, если останешься? Ничего не изменится. Они все равно погибнут, натра слишком близко. Ты ничего не изменишь. Не уходи.

Вздохнув, я нежно взъерошил ее черные волосы.

– Аки, я должен, – сказал просто. – Помнишь, ты говорила об испытании? Чтобы стать одним из народа, надо выдержать испытание.

– Помню, – ее голос звучал ровно.

– Вот мое испытание, – я говорил спокойно, хотя только небо знает, чего мне это стоило. – Жестокое испытание способности к любви. Верность роду, клану... И тебе, Аки. Я должен уйти, чтобы выдержать испытание верности. Если любишь кого-то, будь готов прыгнуть ради него в пропасть.

– Ты уже прыгнул, – тихо сказала Акива.

– И прыгну еще много раз, – ответил я ласково. – Ради тебя.

Она молчала.

– Ты должна понять, почему я ухожу, – я коснулся ее губ. – Забудь. Это лучшее, что ты можешь для меня сделать. Лучшая благодарность. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Тогда останься, – шепнула Акива.

– Не могу.

– Значит, я пойду с тобой.

– Нет.

– Да.

– Нет, – я взял ее за руку. – Ты пойдешь со своим народом в новый мир, где вас не достанет холод, и будешь счастлива. А я вернусь к своему народу.

Собрав всю силу воли, я сумел улыбнуться.

– Мы еще встретимся, – сказал весело. – На краю света, ровно через натру.

Она подняла глаза и долго, пристально смотрела мне в лицо.

– Обещаешь? – спросила Акива.

Я не ответил.

Эпилог

Когда я встретил пленников у городских ворот, Синухет вначале подумал, что это изощренная ловушка колодников. Позже, получив три десятка ламаргов от Аль-Карака, он решил, что я с самого начала был лазутчиком бедуинов. У нас не было времени на долгие беседы, рассказывать пришлось уже в пути. Только я не все рассказал.

Корабль удалось найти быстро. К счастью, он стоял слишком далеко от Дороги, и когда пираты проезжали мимо, его не заметили. Колодники забрали паруса; но двигатель работал, и когда мы впрягли в галеру разом всех ламаргов, корабль быстро покатился вперед.

Пострадало многое, особенно шасси. Масляная амфора опустела. Двигатель еле работает, нас немилосердно трясет, новые пневматики, лежавшие на палубе, куда-то исчезли... А еще исчез Хатэм.

Никто не знает, когда он пропал. Синухет думает, его убили колодники, но я полагаю – этот безумец сам спрятался среди бедуинов, надеясь проникнуть на другую сторону мира и посмотреть, что там находится. После всего, что мы пережили, о Хатэме не слишком жалеют.

Мы мчимся на полной скорости уже полдуги. Есть маленький шанс – если сциллы Хебсена существуют, мы сможем привязать к одному из них галеру и получить отсрочку для ремонта шасси. Иначе можно сразу останавливаться.

Натра близка, страшный мороз разрывает легкие, если выйти на палубу. Ламарги давно пали, их мясо поддерживает в нас жизнь. Не знаю, догоним ли мы Колонну. Вряд ли. Эту историю я пишу не для них.

Я надеюсь, что спустя натру, или две, или много, нашу галеру найдут бедуины.

Они вспомнят ее, вспомнят меня и отнесут Акиве мой бортжурнал. Тогда она прочтет слова, которые я не рискнул ей сказать.

Акива, я выдержал испытание. Мы знали друг друга совсем недолго, и будущего у нашей любви быть не могло, но я все равно люблю тебя, и если эта история когда-нибудь попадет тебе в руки – знай, что я умер с твоим именем на устах.

А еще, Акива, хочу сказать, что ты ошибалась; наш мир не похож на диск. Я понял это, изучая карту колодников. Дисковая теория не более верна, чем шаровая гипотеза Хатэма.

Акива, форму нашего мира очень легко нарисовать. Еще легче сделать макет. Но представить это воочию человеческий мозг неспособен, как нельзя осознать бесконечно малую толщину Края или законы, управляющие движением туч.

Возьми полоску фольги. Поверни один конец на пол- оборота и приклей к другому. Получится забавная математическая игрушка, односторонняя поверхность, которая существует в реальности, противореча всем ее законам.

Теперь мысленно увеличь этот макет в миллиард раз, помести в мировое пространство, и освети так, чтобы тень от одного изгиба падала на второй. Да, и пусть все медленно движется, словно лента конвейера меж неведомыми шестеренками.

Получится наш мир.

Нет никакого шара, диска или станции. Даже "другой стороны мира", которую мы с тобой видели собственными глазами, нет. Есть – односторонний мир, где мы живем, и двумерная плоскость, наша земля. Есть неизвестный обогреватель, дарующий тепло, и есть натра, тень нашего собственного мира, ползущая следом за обогревателем, против ветра...

Тень заключена в нас самих, Акива. От нее никуда не деться, не убежать, не спрятаться. Тень вечно преследует нас, не дает покоя, заставляет двигаться – и в этом наше счастье.

Ибо то, что не движется, гибнет.

Конец.

(с) Драко (Дж. Локхард)

16.20, 04.10.2002 –

17.37, 07.10.2002